

РУССКАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА КАК ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ ПРЕДМЕТ

Е. Н. Юркевич

Изучение проблем философской герменевтики отечественными философами приобрело особое значение во второй половине XX столетия с появлением работ, в том числе переведенных, западноевропейских философов. Труды М. Хайдеггера и Х.-Г. Гадамера стали предметом научного интереса и активного обсуждения. Тематика понимания и интерпретации как герменевтических предметов со временем была открыта и в трудах отечественных философов. Однако, если западноевропейская герменевтика на сегодняшний день прочно вошла в число изучаемых философских тем и отдельных учебных курсов, то отечественное наследие в данной области остаётся малоизученным, практически не признанным и не преподаваемым. Причины такого состояния дел многочисленны и кроются в многолетних традициях преподавания историко-философских курсов, ориентированных на западноевропейскую философию, в недостаточной изученности отечественных разработок в области философии понимания и интерпретации, в особенностях украинской культуры и ментальности, которые были подвержены влиянию культурных политик, и пр. Заметим, к слову, что актуализация новых разработок истории украинской философии произошло совсем недавно, после возникновения Украины как отдельного государства. Из всего вышеперечисленного сосредоточимся на проблеме недостаточной изученности, системности и значимости русской герменевтики как отдельной теоретической сферы отечественной истории философии.

Значимость философской герменевтики диктуется её основной тематикой – пониманием и интерпретацией, которая стала необходимой в современных постколониальных и поликультурных социумах. Развитие герменевтических учений в истории западноевропейской философии происходило в перспективе формирования понятия понимания как

философской категории. Окончательно данная философская категория была сформирована в онтологии М. Хайдеггера, где человек воплотил собой себя понимающее здесь и сейчас бытие – Da-Sein. Понимание очертило осмысленный универсум жизни, включающий различные стадии становления смысла от предпонимания до рационального понимания. Тем самым человек утвердил свою разумность в более мягкой (не экспансивной) форме, отождествив при этом в новом ракурсе поиск смысла со смыслом жизни.

Однако в 90-х годах XX столетия как отзвук на критику метафизики в западноевропейской философской герменевтике была эксплицирована и подвержена критике идея герменевтического универсализма. Стало ясно, что не всё, что значимо, имеет смысл и нуждается в понимании. Исследователи в области герменевтики приходят к выводу о множественности и конфликтности интерпретаций (П. Рикёр), обосновывается идея интерпретационизма (Г. Ленк), обостряется интерес к непониманию, происходит очерчивание контуров негативной герменевтики (Р. Шурц), появляется критика чистой герменевтики (Г. Альберт). Таким образом определяются пределы философской герменевтики и открываются возможности для появления её специфических культурных разновидностей. Кроме того, проблематика кризиса герменевтического универсализма возвратила теоретиков герменевтики к вопросу о том, что такое понимание, как оно возможно при многообразии и культурной специфике герменевтических практик.

В отечественной философии в период после «перестройки» смена мировоззрения и начало возрождения национального самосознания способствовали обращению к истории отечественной философии, в которой были сделаны настоящие открытия национальной культурной самобытности развития философского знания. Одновременно в российской философии возникает тематика «герменевтики в России» (В. Г. Кузнецов), в рамках которой исследуется наследие российских философов. Однако, оригинальность подхода к герменевтическим предметам, к сожалению,

трактуются как рецепция западноевропейской философии. Возможно поэтому «герменевтика в России» так и не доросла до «русской герменевтики». Тематика «герменевтики в России» воспринимается по аналогии с «немецкой философией в России» (поскольку герменевтика развивалась преимущественно в рамках немецкой философии, к которой затем присоединился П. Рикёр). Очевидно, результат изучения проблем понимания и интерпретации в украинской и русской философии требует парадигмального оформления для того, чтобы убедительно была представлена форма и специфика отечественной герменевтической теории и культуры.

К философским первоисточникам относятся работы Г. С. Сковороды, П. Д. Юркевича, Г. Г. Шпета, В. В. Розанова, П. А. Флоренского, М. М. Бердяева, А. Ф. Лосева, М. М. Бахтина и др. В советский период, особенно в 80-е годы XX ст., герменевтические проблемы рассматривались в различных аспектах: логико-гносеологическом (А. Ишмуратов, М. Попович, В. Лейбин, Е. Никитин, Г. Рузавин, А. Уёмов, Г. Джагарова, В. Филатов, Л. Терентьева, Е. Быстрицкий, В. Скиданова), социально-аксиологическом (С. Гусев, Г. Тульчинский, Н. Слюсарева, В. Порус), культурологическом (С. Крымский, П. Йолон, Б. Парахонский). Отдельно необходимо выделить школу семиотико-лингвистического анализа (Ю. Лотман, К. Свасьян, Б. Гаспаров, Н. Мухелишвили, Ю. Левин, Ю. Шрейдер, Р. Павилёнис) и историко-герменевтические исследования С. Кошарного и В. Мейзерского. В постсоветский период российские философы продолжили изучение герменевтических идей в творчестве Г. Г. Шпета (Е. Борисов, В. Калинин, В. Кузнецов, В. Лекторский, А. Митюшин), М. М. Бахтина (Н. Бонеева, А. Грякалов, Р. Евтушенко, К. Исупов), П. А. Флоренского (Игумен Андроник (А. Трубачов), Б. Марков, С. Хоружий), исихастской традиции (С. Хоружий) и др. Современные отечественные исследователи анализируют герменевтические идеи Г. С. Сковороды (Л. Ушкалов, А. Марченко), герменевтико-коммуникативные модели (Г. Почепцов) и др.

Русская герменевтика в обобщённом виде предстаёт в качестве особой транснациональной культурной формы понимания, которая манифестирует особый тип восточнославянского понимания и философствования. В ней представлены онтологический, логико-гносеологический, феноменологический, лингвофилософский, семиотико-культурологический аспекты. Русская герменевтика представляет тип понимания восточнославянского региона, который исторически начал складываться в период Киевской Руси, в киеворусской культуре, и продолжил своё развитие в культурах более позднего периода после её распада. Специфика русской герменевтики как этически акцентуированной герменевтики (этической герменевтики) формируется под влиянием идей отечественной практической философии. В отличие от западноевропейской рационалистической философской герменевтики, культивирующей понимающий разум, в русской герменевтике ценным предстаёт чувственный аспект понимания, который ориентирован на идеальное любовное отношение между людьми, опосредованное любовью к Богу в религиозно-философской традиции. Актуальным предстаёт не столько разумное понимание, сколько понимание с любовью (аналогичное материнскому любовному пониманию) или «сердечное» понимание. Особенностью такого подхода является трактовка понимания, обусловленного соборностью. Соборность, представляющая христианскую культуру миропонимания, противопоставляется эгологии, технике интерпретации автономно существующей личности. Объединение тематики соборности с герменевтической тематикой способствует оригинальному решению проблемы субъективного смысла, а процесс понимания обогащается чувством общности, характерным для православных религиозных сообществ.

Признание русской герменевтики открывает возможность нового аспекта критики герменевтического универсализма как способа унификации способности понимания. Многообразие культур понимания подтверждается разработанными в истории русской философии различными модусами

герменевтического круга с этическим содержанием. В связи с этим, особое значение придаётся внутренней форме языка (Г. Шпет) и слова (А. Потебня), которые способствуют образованию «живого», энергично насыщенного языка (А. Лосев), который становится медиумом персональных смыслов. Передача смыслового содержания происходит путём создания особых коммуникативных каналов, присущих модели соборности – прочувствованию и сочувствию. Функции прочувствования и сочувствия отличаются от известного в западноевропейской философской традиции вчувствования, которое характерно для психолого-терапевтических практик, и отличается прежде всего подобием данного герменевтического отношения с субъект-объектной оппозицией. Телеологическая перспектива предстаёт в апофатической форме, при которой результатом прочувствования и сочувствия предстаёт внутренняя социальная гармонизация, а не конкретное предметное значение или смысл. Диалог в данном аспекте приобретает особую культурную ценность: посредством диалогического отношения формируется смысловая культурная общность – соборность, которая имеет признаки внутренней и/или внешней религиозности. Наиболее определённо соборность представлена на основе православной религиозности, относительно которой происходит традиционно славянское самопонимание / самоинтерпретация и взаимопонимание / трансинтерпретация.

Исторически первые особенности русской герменевтики устанавливаются при исследовании символической интерпретации Г. С. Сковороды. Герменевтические идеи Сковороды характеризуют софийность, префигуративность (аллегорический язык и насыщенные интерпретативные образы), модель «символических миров», барочный синкретизм и диалогичность. Идеи символичности, телеологичности, энергичности языка, общехристианского взаимопонимания нашли своё развитие в трудах Вас. Розанова. Его «схемы разума» выполняют инструментальную роль при достижении понимания, они представляют собой «орудия добра», благодаря которому добро побеждает в процес се

понимания. Понимание предстаёт у Розанова в качестве метафизического религиозного предмета, в котором объединяются вера и разум. Философскую концепцию Розанова можно определить как «телеологическую пангерменевтику», которая проложила вектор дальнейшего развития русской герменевтики.

Понятие герменевтического круга получается различные значения. В аутогерменевтике исихастского опыта он предстаёт в качестве мистического «круговращения ума», которое представляет собой морально-религиозное духовное внутреннее движение. В философии Г. С. Сковороды – в виде «Кольца вечности», в котором обращается библейский текст. Особое значение герменевтический круг приобретает в философии сердца П. Д. Юркевича, где «логика сердца» представляет тип понимания с любовью, посредством которого формируется соборность. При этом образ сердца и влияние «сердца» ассоциируется с образом и влиянием Солнца. Сердечное понимание даёт моральное образование и формирует моральную автобиографию личности. Герменевтический круг трактуется как «светлый круг понимания», который открывает возможность движения от понимающего сердца к глубинному сердцу как мистическому центру личности, который познаваем апофатическим способом.

Идее сердечного понимания созвучны идеи «исходящих кругов» В. В. Розанова, «личностного кругозора» Н. Бердяева, лингвистической модели герменевтического круга А. Потебни, «круга общения» и «сферы разговора» Г. Шпета, «круговращения ума» в философии имени А. Лосева, семиосферы Ю. Лотмана.

Разработка герменевтической тематики в русской философии имеет определённые моральные признаки, характерные для отечественной практической философии, и передающие моральный смысл русской культуры понимания. Своеобразное развитие славянской культуры понимания можно найти в феноменологических техниках понимания М. Мамардашвили. Техника понимания передаёт опыт понимания

символическим языком. «Я» имеет также символическую форму, поскольку оно единственное и множественное одновременно. Понимание предстаёт как отношение «я» к своему опыту. Оно определяет коммуникативную природу сознания. Мамардашвили предлагает описывать технику понимания как технику интеракций сознания, при которой язык передаёт символический мир сознания, а сознание, в свою очередь, при помощи языка творит собственную феноменальную реальность. В процессе интеракций понимание чудесным образом «вспыхивает» аналогично пониманию поэтических текстов. Для такого понимания особенно важен культурный код как набор символов, благодаря которым становится доступен определённый жизненный опыт.

Историко-философское исследование герменевтических идей в восточнославянской философской традиции ставит под вопрос оценку наследия отечественных философов как рецептивных учений западноевропейской философии. Это же исследование представляет основания для определения русской герменевтики как самостоятельного историко-философского предмета, который продолжает развиваться и в современных отечественных философских исследованиях.

Литература:

1. Кузнецов В.Г. Герменевтика и гуманитарное познание. – М.: Изд-во МГУ, 1991.
2. Лосев А. Ф. Самое само // А. Ф
3. Лосев. Самое само. Сочинения. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1999. – С. 423-634.
4. Роди Фритьеф. Герменевтическая логика в феноменологической перспективе: <...> Г.Шпет // Логос. Философско-литературный журнал. – № 7. - М., 1996. – С.41-46.
5. Шпет Г. Внутренняя форма слова (Этюды и вариации на темы Гумбольдта). – М., 1927. – 219 с.
6. Юркевич Е.Н. Герменевтические идеи в восточнославянской философской традиции. – Харьков: Изд-во ХНУ им. В.Н.Каразина, 2002.
7. Юркевич П. Д. Сердце и его значение в духовной жизни человека // П. Д. Юркевич. Философские произведения. – М. – Изд-во «Правда», 1990. – С. 69-103.